

ТОМСКОЕ ЗАДУШЕВЬЕ

Рассказы

БАШНЯ СЧАСТЬЯ

Чиновник Миловидов с замирающим сердцем входил на доклад к своему начальнику. Было из-за чего волноваться: Миловидов решил предложить реализовать новый проект. «Башня счастья» — так назывался проект. Через минуту Миловидов уже рассказывал о нем, расстелив на столе похожий на орнамент запутанный чертеж.

Начальник, Иван Петрович, недовольно хмурился, так как не мог разобраться в переходящих друг в друга многочисленных нитях карандашных линий:

— Ничего я не понимаю в этой вашей Башне счастья, одни непонятные схемы... А где окна? Где, я спрашиваю, окна на этой вашей схеме? Где розоватые стекла разместятся, если одна бумага; да на ней если и видны какие-то линии, то впечатление такое, будто мы с вертолета смотрим на заснеженный поселок без электричества. Таких поселков без окон у нас и так с избытком хватает!

Миловидов улыбнулся:

— Да нет же! Мы вот вам макет приготовили, чтобы лучше воочию представить, как Башня остолбенеет над нашим городом, когда люди повалят к ней за счастьем.

С этими словами Миловидов водрузил на стол макет Башни. Макет был выполнен с душой, так как неизвестный мастер сумел-таки повеситься, но его вовремя успели снять с петли, приговаривая: допился, Николай. А Николай все не мог Башню придумать и мучился, когда душа его за словом в карман не лезла, а все время, словно невеста, над ним стояла и не давала покоя, когда убивалась и просила достать ей солнце да позабавить переживанием над невозможностью построить для нее дворец.

Николай долго мучился над Башней счастья. И даже сломался над ней и раскололся, как хрупкий куст, на несколько ответвлений. Но даже всем своим кустом он не мог ту Башню выстроить, как какую-нибудь великосветскую свечу. Но все-таки раз за разом, по мере того как свеча начинала выдвигаться из небытия и твердить о своем появлении, Николай все больше пил и карамелькой закусывал... А однажды он повесил пальто да не заметил, как его друзья-собутельники соринку из кармана пальто вытащили и обратно положили, а вот деньги забрали. А соринка-золотинка ничего не знала о деньгах и думала, что она одна, и цена ее невероятно большая. Но только Николай так не думал и ее вытряхнул, когда деньги искал и матерился, что ничего нет, кроме этой сверкающей соринки. Правда, от ее блеска он получил внезапное озарение и очень удачно раскрасил Башню в бело-известковый цвет, но это были уже мелочи.

К тому же, жена Николая устала от него, и ей приходилось иногда прятаться в небесах, где она гуляла в раю и мылась в бане, жалуясь неизвестно кому на свою несчастную жизнь. На самом деле жена Николая не то чтобы куда-то улетала и там в хороводе разучивала тихие песни, она стирала у себя дома и все время что-то бормотала себе под нос, доставая из стиральной машины чистую пресную одежду. В это время Николай, матерясь на жену, доделывал макет Башни счастья, которая уже невестилась белым изваянием над кухонным столом, словно ждала жениха из Киева. Но жених так и не приехал. Наверное, у него тоже украли деньги, и он не смог купить билет в город, где решились построить Башню счастья.

Когда произведение искусства близко было к завершению, жена Николая обозвала мужа сволочью и даже ударила его, хотя тот уже вставлял в макет маленькие окна. Так, под ударами мокрого полотенца, Николай повернулся да забрезжил быстрым шагом по улице в кабинет Миловидова.

Макет не промок, хотя Николай вспотел и долго рассказывал Миловидову приснившийся ему прошлой ночью сон. Снилось Николаю, будто бы идет он в темноте по грязи, ничего не видно, только изредка рядом с ним появляется тень его собачки Прутика и вновь исчезает, словно кем-то выключенная на несколько минут. А он кричит: «Прутик, Прутик!» — хотя сам будто бы знает, что где-то впереди стоит бревенчатый дом. А в доме том горит свет. А в свету ждет его мать, и она даже бананы приготовила. Даже это была не его земная мать, а какая-то другая, ждущая его и приготовившая ужин и успокоение.

Башня счастья стояла на столе и делилась со всеми своим прекрасным видом, но розовое окно в ней, точно лицо красавицы, смотрело на Николая и судило его за неприглядный вид. А как же Николая не судить, когда тот даже стоять нормально не мог, а все заваливался в кабинете Миловидова, казалось, хотел куда-нибудь прилечь и вздремнуть, словно он несколько суток без роздыху работал. Теперь же, небритый и грязный, зашел к начальнику доложить: мол, все в порядке, линия исправлена, и свет уже бежит по ней куда угодно. Да чуть ли не в могилы мертвецов свет бежит, чтобы они могли сейчас или после своего воскрешения оглядеться и понять, что ничего страшного, никаких привидений и никакой мистики — успокаивающе горит лампочка, и все хорошо, неоткуда привидениям взяться, когда лампочка иконой горит и отгоняет всякую нечисть, через закон Ома утверждая не конец света, а его начало.

— Мать, мать... — между тем, вроде бы и не матерясь, повторял Николай.

Миловидову он был неприятен, так как напоминал юродивого. А Николай все говорил:

— Каждого, каждого мать ждет. У каждого такой дом есть. А мы всё бредем и бредем в темной ночи. И только где-то впереди желтый огонек небольшого окна нас ждет, и мать там приготовила всякую всячину. Даже приготовила нам суп, попробовав который, мы так насытимся, что сразу на пол ляжем и станем рассказывать ей про нашу горемычную жизнь и муку, про то, как мы по грязи к ней шли и чуть не заблудились. А она станет нас слушать и охать от страха и жалости. И так хорошо станет, так хорошо!.. Никакую Башню счастья не надо, только бы этот маленький бревенчатый домик найти. Найти окно, где свет через полупрозрачные розовые шторы пробивается в темноту мира и сохраняет в себе утоляющий жажду сироп и прохладу, в которой капли тепла, словно листья и драгоценные камни, вымываются и на сердце ложатся так, что оживляют его и заставляют вновь биться, как оживляют мертворожденных детей врачи, когда сами в них вдыхают жизнь, будто боги, словно они в белых халатах приняли обет безбрачия и пожертвовали услугой женитьбы, дав слово не жениться до тех пор, пока мертвых не научатся воскрешать. И нацедить из себя те капли могли умиротворение и души оживающее восклицание: мать, мать...

Почему-то именно сейчас, когда начальник рассматривал макет Башни счастья, Миловидову вспомнился Николай.

«А правда, как хорошо! — подумалось Миловидову. — Вот так стоит низенький бревенчатый домик, и хорошо было бы в него зайти и поесть, например, жареную картошку. Одну жареную картошку. И такой бы запах от нее распространялся, а часы тихонько бы тикали... Прохладный пол с тоненькими половичками. Хорошо! Старое волнистое зеркало тебя бы чуть изменяло так, что ты бы в себе все время находил что-то новое. Каждое утро, смотрясь в то зеркало, ты бы себя заново открывал и дивился тому, что о себе ничегошеньки не знаешь. И даже на улицу выходить не захочется, будешь перед тем зеркалом сидеть и себя разглядывать, словно в зеркале не себя видишь, а красну девицу, от которой глаз нельзя отнять, точно она из магнита сотворена; и она могла бы из зеркала выходить и с тобою беседовать, картами забавляясь... Или даже пусть она из зеркала не выходит, а там сидит. А в карты можно и через зеркало играть. Так и будешь в зеркале свою красавицу-жену видеть и с ней о том, о сем разговаривать. А она будет тебя манить и приговаривать: «Не бойся, иди, иди ко мне, волнистое зеркало, словно вода, тебя примет и ко мне пропустит — и мы навеки соединимся. А к матери через зеркало станем в гости приходить, ничего здесь такого страшного нет. Плохо мне без тебя... Присмотришься, видишь — жаба и змея меня душат — убей их».

Миловидов даже вздрогнул от привидевшегося ему наваждения.

— Ну что ж, очень даже хорошо... — между тем говорил начальник и одобрительно расплывался большим лицом, когда пытался в маленькое окошко макета заглянуть. — Людям понравится, — автоматически проговорил начальник, но потом поспешно добавил: — Нет-нет, ни в коем случае в Башню никого не пускать! Не нужна нам давка, зачем это? Пускай лучше вокруг нее бегают и на кнопки давят. Для этого мы сделаем у входа в Башню (в которую, конечно же, кроме отдельных особо уважаемых шапок, нельзя будет больше никому зайти) сделаем две кнопки: одну белую, а другую — черную. Если человеку плохо и жизнь ему, скажем, не нравится, то пусть давит на черную, а если всем доволен — на белую. Хотя, Миловидов, сам понимаешь, город наш студенческий, студентов много, а этому молодому романтическому настрою все хорошо, все нипочем, только и будут делать, что парами около белой кнопки крутиться и давить на нее... Конечно, Миловидов, не спорю, среди студентов может попасться какая-нибудь неразделенная любовь, которая начнет страдать и обязательно к черной кнопке побежит, чтобы надавить, решив перебороть белый свет расположенного на Башне экрана в черный, чтобы все увидели: не так все хорошо, как кажется. Но, я уверен, тут же подбегут радостные, искренне родимые парни и девушки и со смехом станут перебивать неудачника. А он (бедный, бедный!) побежит да от безысходности начнет стонать и во все стороны закатываться, у всех на глазах на «нет» исходить, падая, словно подкошенный ковыль. Так что перебьют, перебьют...

Миловидов облегченно вздохнул, все было хорошо. Из окна мэрии он посмотрел на расположенный внизу небольшой парк. Уже смеркалось. Осень, моросил дождь. В сером тумане вечернего утра или, лучше сказать, утреннего вечера прямо между деревьев еще спал, но, может быть, уже просыпался, неряшливый заросший человек. Человек лежал, уткнувшись лицом вниз. Куртка на человеке походила на куртку Николая. Может быть, это и был сам Николай, гонимый из собственного дома женой, а теперь ушедший во сне к своей настоящей матери

через грязную мокрую осень в далекий деревянный домик, светивший единственным окошком в темноту беспроводной ночи...

ПЕТРОВИЧ

Сергей пришел на работу в свой институт и увидел, что Марина, их сотрудница, сидит и плачет чуть слышно, и ее слезы сияют, словно яркие огни. Увидев Сергея, Марина произнесла:

— Петрович повесился, — и опять заплакала от чувств невеселых.

Петрович был их сотрудник и работал инженером, проводил эксперименты на сильном приводе, включенном в электрическую сеть, из-за чего сила тока, мерцающая, могла нагревать исследуемые объекты.

Петрович жил один, был немолод и в последнее время сильно пил, даже из-за этого частенько не выходил на работу. Судимый ли он был Богом или, наоборот, был он мучеником, но бесславная его жизнь противно загибалась в сторону виновных магазинов, и он от этого страдал и жаловался на жизнь своим коллегам по работе. Ветка любви его не коснулась, и он, не имея ни семьи, ни детей, одиноким деревом рожал только мысли о своем несостоявшемся счастье. И вот теперь Петрович умер, и та же Марина еще и говорит, что он повесился.

— И что же, точно повесился? — спросил Сергей.

— Так сказали, — сказала Марина.

К обеду все сотрудники лаборатории, в которой работал Петрович, собрались и решили поехать к нему на квартиру. Начальник лаборатории, Иван Павлович (он неплохо разговаривал и хорошо говорил — длинно и пространно), как бы оправдываясь, рассказывал, как лаборатория старалась помочь Петровичу, как она его лечила всем коллективом от алкоголизма и что она даже его любила по-своему, когда смеялась над его пьяными выходками.

Но всех мучил один вопрос: и чего же Петрович повесился? Мало ли, в конце концов, горьких пьяниц и хуже Петровича — и ничего, живут, перебиваются, мучаются, но считают себя вправе одеваться каждое утро и двигаться куда-нибудь неизвестно зачем, но не так это и важно — никто не знает, зачем мы живем.

Сотрудники лаборатории сели в две легковые машины и поехали на квартиру умершего Петровича. Чудно было думать, что Петрович умер, и его неровная судьба не вышивает больше свой шрифт на его ладони, как на ленте.

— Так что же все-таки с Петровичем произошло? — спросил Селедкин, тоже сотрудник лаборатории. — Сам взял и повесился? Да никогда в это не поверю! Петрович был веселый человек. Его окунь любимый плавал в местной речушке. Он все его ловил, на удочку ходил рыбачить. Что-то здесь не то.

— Да и я то же говорю, — начал другой, из тех, кто тоже невезучий был, из запойных инженеров, Слава. — Я же говорю: чего он вдруг бы и повесился? Он мне рассказывал, что соседи (у них же двухквартирный дом) хотят его переселить в какую-то хату махонькую, а из их двойного дома сделать один большой. А я еще все говорил: не соглашайся. А он мне: так им и того дома махонького на меня жалко, они мне всегда водку приносят, напойт и рыбачить посылают, ждут, когда утону... Вот так он мне прямо и говорил. Я ничего не приукрасил. Только могу добавить, что сам с ним пил пару раз, но никакой сосед тогда к нему не заходил. А удочку видел. Она у него в кладовке лежит — слабая и тонкая ветка.

— Да тут, я вижу, целая интрига назревает. Мне сказали, что он спьяну повесился. Но записку-то не нашли! Он даже просто листа бумаги не оставил. Мог бы и не писать на нем ничего, но хотя бы положить на стол белый лист и рядом черную авторучку, или хотя бы мог уронить ее под стол и, не найдя авторучку, так ничего и не написать. Но и белого листка не было. Это уж точно, это уже установленный факт. Петрович даже не пытался обратиться к нам с предсмертной просьбой его не искать, то есть не разбираться в его смерти нисколько, — сказал Иван Павлович. — А так получается, что мы теперь должны искать, что же произошло, как бы понимая, что он на такой шаг не мог решиться без предсмертной записки. Он же не акробат, чтобы в петлю запрыгнуть быстро и неожиданно ловко, не успев ничего подумать от своего механистического выверта.

— Да, конечно, — сказал Сергей. — Это странно, что Петрович не оставил записки. Как бы он ни был пьян, но, запинаясь, накарябать пять слов мог бы. Да мог бы взять и даже графином написать или пустой бутылкой. Да мог бы, если бы из той бутылки выжал несколько капель, и — ими — хотя бы многоточие, а мог бы поставить.

— Да, непонятно, непонятно... — вслух размышлял Иван Павлович.

В это время автомобили с улицы Ленина начали спускаться на Московский тракт, где и жил Петрович в каменном двухквартирном доме... Деревья, неизвестно почему, напоминали торчащие дровишки с зеленым оперением, и люди ими любовались — они росли из земли, словно твердые лучи, а листва была на них — как от тех лучей — сияние трепещущее...

И вот люди приехали, вошли в калитку и даже вошли в дом, где жил покойный Петрович. Стали смотреть по сторонам и видят, что все в доме прибрано, только кипа газет лежит на полу у красного стола, покрашенного в краснознаменный цвет. Они посмотрели на те газеты и, неизвестно почему, их распотрошили, но из них не